

Шипова Ирина Алексеевна

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ДЕЙКТИЧЕСКОЙ ПРОЦЕДУРЫ В ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОПИСАНИЯХ НАРРАТИВНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

В статье выделяются аспекты внешней и внутренней организации пространства текста. Опираясь на работы ряда лингвистов, мы рассматриваем здесь языковые средства, называемые дейктическими знаками, и механизмы дейктической процедуры при изображении внутреннего пространства немецкоязычного нарративного художественного текста. На примере текстовых фрагментов романа Т. Фонтане "Пути-перепутья" формулируется прагматическая направленность пространственных описаний в художественном повествовании.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/1-1/58.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 1(55): в 2-х ч. Ч. 1. С. 201-203. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.11

В статье выделяются аспекты внешней и внутренней организации пространства текста. Опираясь на работы ряда лингвистов, мы рассматриваем здесь языковые средства, называемые дейктическими знаками, и механизмы дейктической процедуры при изображении внутреннего пространства немецкоязычного нарративного художественного текста. На примере текстовых фрагментов романа Т. Фонтане «Пути-перепутья» формулируется прагматическая направленность пространственных описаний в художественном повествовании.

Ключевые слова и фразы: художественное пространство; дейксис; дейктические знаки; дейктическая процедура; *Origo* дейктической процедуры.

Шипова Ирина Алексеевна, к. филол. н., доцент
Московский педагогический государственный университет
shipowa@mail.ru

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ДЕЙКТИЧЕСКОЙ ПРОЦЕДУРЫ В ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОПИСАНИЯХ НАРРАТИВНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Принцип организованности нарративного художественного текста (далее – НХТ) – характерная его особенность. Он имеет свою пространственную организацию, свою архитектуру, проявляющуюся как во внешних признаках (графический дизайн, выделение заглавия, деление на абзацы, главы, параграфы и т.п.), так и в закономерностях композиционного построения (введение в проблематику текста или пролог, разработка идеи или сюжетная кульминация, заключение или эпилог и т.п.). Структура текста, его построение, неизбежное ограничение его объема являются показателями замкнутости тестового пространства в буквальном смысле слова.

НХТ – повествовательный текст, семантическое пространство которого организуется благодаря построению содержательных связей, отражающих фиктивный (воображаемый) мир фикциональной реальности. Внутреннее пространство НХТ – это своего рода метафора, при помощи которой раскрываются пространственные характеристики какого-то замкнутого мира, описываемого в нем. Оно создается автором с помощью соответствующих языковых средств и реконструирует или фрагмент внеязыковой действительности с его пространственными свойствами, или авторскую картину мира, денотативно соотносимую с реальностью. В художественном пространстве могут также воспроизводиться несуществующие либо неизвестные миры, например, описаниерая, ада, путешествия к другим планетам, зазеркалье и др. Языковые средства при этом все равно соотносятся с общепринятыми (следовательно, с узнаваемыми) характеристиками расположения предметов на плоскости, по горизонтали и вертикали, с описанием их объемных свойств и удаленности друг от друга.

Для передачи пространственных характеристик в тексте немецкий язык располагает определенным арсеналом средств. В первую очередь, это существительные предметной семантики преимущественно в виде предложных групп, практически все они могут обозначать пространственные объекты [8, S. 54]. Важную роль играют глаголы, передающие пространственные характеристики ситуации (её статику, динамику, фазы изменения и проч.), а также наречия и прилагательные локативной семантики (*links* / слева, *allerorts* / повсюду, *vordere Reihe* / передний ряд) [2, с. 11-20]. Последних не так много в немецком языке, и они, как правило, являются дейктическими знаками [10, S. 24], свободными, по выражению Э. Бенвениста, от референтной соотношенности с реальностью и приобретающими её, когда говорящий вводит их в акт речи [1, с. 288].

Субъект речи описывает какое-либо пространство, исходя из собственного его видения, через его восприятие изображаемое приобретает форму, размер, задаются его динамические изменения, качественные характеристики и т.п. Преобладание в этом ряду существительных объясняется тем фактом, что, подобно пространству речи, пространство текста организуется при помощи своего рода «опор» в виде номинации предметов [4, с. 155], объектов или явлений, определяющих его димензиональные и качественные характеристики. Связь между «опорами» и окружающим их пространством создается за счет фокусирования внимания наблюдателя на деталях данного окружения. Внимание же наблюдателя всегда «эгоцентрично», то есть ориентировано на того, кто пространство воспринимает и описывает.

По мнению Дж. Лайонза, дейктические знаки вводятся для описания ««ориентационных» свойств языка, связанных с местом и временем произнесения высказывания» [5, с. 291]. Дейксис – категория, семантика которой целиком зависит от адресанта, его позиции, т.е. от способа ориентации сознания субъекта речи. По Карлу Бюлеру, разработавшему концепцию дейксиса, центром системы ориентации является *Origo* [3, с. 94] – своеобразная точка отсчета, дающая информацию о пространстве, времени или субъекте, их воспринимающих. Мир, описываемый в тексте, – это не мир реальности, и он далек от неё, поэтому пространство, на которое указывают дейктические знаки, – это воображаемое пространство говорящего/пишущего [11, S. 19]. *Origo* текста перемещается в текстовую позицию «здесь» (*Ground* – позиция говорящего и слушающего [9, p. 67]) и становится точкой отсчета, относительно которой ведется описание. Ш. Тонака пишет, что в тексте есть

и *Origo*, и тот предмет, относительно которого ведется указание. Такой предмет обозначается данным автором как *Origo* дейктической процедуры. Данный подход позволяет проследить, как происходит дейктическая процедура относительно описываемых в пространстве объектов, будь то люди или предметы, и учитывает знаковый характер соответствующих маркеров:

(1) «...in der großen *Vorderstube* saß wie gewöhnlich Frau Nimptsch am *Herd* (1a), um den herum sich auch heute wieder die vollzählig erschienene Familie Dörr gruppiert hatte (1b). *Frau Dörr* strickte <...> an einer <...> Wolljacke, <...> (1c). Neben ihr, ...rauchte Dörr aus einer Tonpfeife (1d), während der Sohn in einem dicht am Fenster stehenden *Großvaterstuhle* saß und seinen Rotkopf an die Stuhlwange lehnte (1e)» [7, S. 19] (... в большой комнате, как обычно, сидела у печи фрау Нимпч, вокруг которой группировалось явившееся в полном составе семейство Дёрров. Фрау Дёрр вязала <...> шерстяной жакет <...> Рядом с фрау Дёрр, <...> курил глиняную трубку Дёрр, а сын сидел у окна в дедовском кресле, уронив на подлокотник свою рыжую голову).

Во фрагменте (1) из романа Теодора Фонтане «Пути-перепутья» (1888) центром системы ориентации является существительное *Vorderstube* (большая комната) – «пространство конкретного восприятия» [6, S. 177]. Далее дейктическая процедура совершается относительно *Origo Herd* (печь) с помощью пространственного предлога *um... herum* (вокруг) в придаточном определительном (1b); (1c) вводит *Origo* следующей дейктической процедуры – *Frau Dörr* (фрау Дёрр), относительно которой определяется расположение господина Дёрра (рядом с женой – *neben ihr*). *Origo* всего фрагмента – *Vorderstube* – дополняется элементом *окно*, а дейктический знак *dicht (am Fenster* – вблизи / у окна) определяет расположение кресла и сидящего в нем сына супругов Дёрр.

Фрагмент (2) демонстрирует, как пространственное описание влияет на развитие сюжета, имплицитно объясняя, почему барон Бото фон Ринекер никогда не женится на героине романа, которую искренне любит:

(2) «*Hier (Bellevuestrasse – II. III.)* hatte Baron Botho von Rienäcker eine zwischen einem Front- und einem Gartenbalkon gelegene Parterrewohnung inne: *Arbeitszimmer, Eßzimmer, Schlafzimmer*, die sich sämtlich durch eine geschmackvolle, seine Mittel ziemlich erheblich übersteigende Einrichtung auszeichneten. *In dem Eßzimmer befanden sich zwei Hertelsche Stilleben und dazwischen eine Bärenhutz*, wertvolle Kopie nach Rubens, während *in dem Arbeitszimmer ein Andreas Achenbachscher Seesturm*, umgeben von einigen kleineren Bildern desselben Meisters, paradierte» [Ibidem, S. 34] (Здесь (на улице Бельвю) барон Бото фон Ринекер занимал в первом этаже квартиру с двумя балконами, один – в сад, другой – на улицу. Кабинет, столовая, спальня – все это было убрано с отменным вкусом, весьма превосходящим его средства. В столовой висели два Гертелевых натюрморта, а между ними – «Медвежья охота» – достойная копия Рубенса, кабинет же был украшен Ахенбаховой «Бурей на море» в окружении меньших по размеру произведений кисти того же мастера).

В (2) пространство конкретного восприятия – улица Бельвю – названа в предыдущем предложении. Без его упоминания местоимение *hier (здесь)* не имеет референтной соотнесенности, но благодаря указательной функции дейксиса автор текста дает понять, где находится квартира протагониста романа. Пространственные объекты, выраженные существительными: *кабинет, столовая, спальня (Arbeitszimmer, Eßzimmer, Schlafzimmer)*, – очерчивают художественное пространство эпизода. Точкой конкретного восприятия становится столовая (*Eßzimmer*), где находятся два натюрморта Гертеля, а между ними (*dazwischen*) – копия картины Рубенса «Медвежья охота». Наречие *dazwischen* (между ними) – дейктический знак, уточняющий местоположение одного из объектов пространства. Глагол *befanden sich* (находились) определяет статическое положение предметов. Завершает описание упоминание висящего в кабинете пейзажа Андреаса Ахенбаха «Буря» (*ein Andreas Achenbachscher Seesturm*), окруженного несколькими картинами того же художника меньшего размера. Дейктическая функция переходит в данном случае к глаголу *umgeben* (окружать), благодаря семантике которого определяется не только местоположение объектов, но и их расположение относительно «точки отсчета» – картины Ахенбаха.

Описание в (2) квартиры в первом этаже представляет собой перечисление комнат и находящихся в них предметов, одновременно изображенные детали демонстрируют несоответствие роскоши обстановки комнат финансовым возможностям барона фон Ринекера (*seine Mittel ziemlich erheblich übersteigende Einrichtung* – обстановка, весьма превосходящая его средства). Это – важный момент сюжета, наглядность которого без приведенного описания не была бы столь убедительной.

Таким образом, мы приходим к выводу, что система языковых единиц, с помощью которых производится дейктическая процедура, позволяет не только описать пространство в тексте, но и придать ему надлежащие характеристики: через локализацию происходящих событий осуществляются выражение в тексте определенной оценочности, передача дополнительных психологических или идейно-художественных смыслов. На наш взгляд, именно в этом заключается основная прагматическая интенция пространственных описаний в НХТ. В результате данные изображения значительно расширяют содержание того, о чем рассказывается в художественном произведении, а границ для вкладываемых в текст смыслов практически не существует.

Список литературы

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртэне, 1998. 360 с.
2. Бойкова И. Б. Категория пространства в языке и проблемы её описания. М.: Прометей, 2009. 190 с.
3. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М.: Прогресс, 1993. 502 с.
4. Данилова Н. К. «Знаки субъекта» в дискурсе. Самара: Самарский университет, 2001. 225 с.

5. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. Благовещенск: Благовещенский гуманитарный колледж им. И. А. Бодуэна де Куртэне, 1999. 540 с.
6. Dürscheid Chr. Syntax. Grundlagen und Theorien. 5. Auflage. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2010. 177 S.
7. Fontane Th. Irrungen, Wirrungen. Stuttgart: Philipp Reclam jun., 1994. 200 S.
8. Judina N. Zum Ausdruck der zeitlich räumlichen Relationen im Deutschen // Estudios Filológicos Alemanes. Sevilla: Universidad de Sevilla, 2010. S. 51-57.
9. Levinson St. C. Space in Language and Cognition: Explorations in *Cognitive Diversity*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 389 p.
10. Nagel S. Lokale Grammatiken zur Beschreibung von lokativen Sätzen und ihre Anwendung im Information Retrieval. München: Vlg. der Ludwig- Maximilians-Universität, 2008. 441 S.
11. Tanaka Sh. Deixis und Anaphorik. Referenzstrategien in Text, Satz und Wort. Berlin – Boston: Walter de Gruyter, 2011. 224 S.

THE PRAGMATIC ASPECT OF DEICTIC PROCEDURE IN SPACIOUS DESCRIPTIONS OF A NARRATIVE LITERARY TEXT (BY THE MATERIAL OF THE GERMAN LANGUAGE)

Shipova Irina Alekseevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Moscow State Pedagogical University
schipowa@mail.ru

The article highlights the aspects of external and internal organization of a text space. Based on the works of a number of linguists, linguistic features, called deictic symbols, and mechanisms of deictic procedure while describing internal space of the German narrative literary text are presented. By the example of textual fragments of the novel by T. Fontane “Trials and Tribulations” the pragmatic tendency of spacious descriptions in the literary narration is formulated.

Key words and phrases: literary space; deixis; deictic symbols; deictic procedure; Origo of deictic procedure.

УДК 811.1/2

В данной статье автор на основании анализа библейской литературы рассматривает функционирование в тексте евангелия от Иоанна специфичной формулы номинации Христа, введенной посредством фразы «Я есмь». Проанализировав употребление данной формы в различных книгах Библии, автор приходит к выводу, что для евангелиста Иоанна очевидна ее связь с теофанией. При этом он использует данную формулу для создания сети образов, в которых находят отражение наиболее значимые концептуальные метафоры.

Ключевые слова и фразы: Библия; метафора; стилистика; перевод; древние языки.

Шитиков Петр Михайлович, к. филол. н.
Тобольская духовная семинария
petrkifa@mail.ru

СПЕЦИФИКА НОМИНАЦИИ «Я ЕСМЬ» В ЕВАНГЕЛИИ ОТ ИОАННА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Теория, методология и практика переводов Библии на языки народов Российской Федерации, проблемы комментирования», проект № 13-04-00261.

Особой чертой Евангелия от Иоанна является тот способ, каким автор вводит номинации Христа. В Евангелии от Иоанна ряд несвязанных между собой высказываний являются прямыми метафорами, введенными в текст посредством специфической формы $\epsilon\gamma\omega\ \epsilon\iota\mu\iota$ (*я есмь*), которые связывают личность Христа с атрибутами, которые не могут быть отнесены к Нему в буквальном смысле. У синоптиков нет ничего подобного, и Иоанновские $\epsilon\gamma\omega\ \epsilon\iota\mu\iota$ речения необходимо рассматривать отдельно. Целью данной статьи является анализ специфических форм изречений, введенных автором Евангелия от Иоанна в качестве репрезентатов базовых метафорических концептов.

Исследователи неоднократно обращали внимание на специфику формы данных изречений. Частота, с которой личные местоимения $\epsilon\gamma\omega$ (я), $\sigma\upsilon$ (ты) и прочие появляются у Иоанна – особая черта его стиля. Так местоимение $\epsilon\gamma\omega$ встречается 134 раза у Иоанна, 29 раз у Матфея, 17 раз у Марка и 23 раза у Луки [3, р. СХVII]. В большей степени это зависит от того акцента, который сделан в четвертом Евангелии на личности Христа и его высказываниях. Местоимения появляются даже тогда, когда, казалось бы, можно было обойтись без них (Ин. 5:36, 6:44, 10:17, 12:48) [1]. В этих предложениях употребление $\epsilon\gamma\omega$ придает силу и некоторую экспрессивность всему предложению.